

ВОЙНЫ
ВР
РАЗВЕДОК

РОМАНЫ О СПЕЦСЛУЖБАХ

Станислав Гагарин

Три лица Януса

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г12

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Гагарин, Станислав Семенович.

Г12 Три лица Януса / Станислав Гагарин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2023. — 416 с. — (Войны разведок. Романы о спецслужбах).

ISBN 978-5-04-182024-4

У разведчиков много имен, много разных личин. Кто же на самом деле этот загадочный Янус, за которым охотятся нацистская контрразведка и гестапо в Кенигсберге в 1944—1945 гг.?

Завораживающий сюжет романа Станислава Гагарина рассказывает о последнем годе войны. Немцы уже подумывают о бегстве в Южную Америку, из плавания не возвращается подводная лодка «Валькирия», немцы используют шведскую промышленность и готовятся к приходу в Германию Красной армии, оставляя подготовленных диверсантов. Во всем этом должен разобраться советский разведчик Сергей, он же Янус, отправляющийся в Кенигсберг.

Виртуозно обманывая немецкие спецслужбы, Янус передает в центр важную информацию и как может приближает победу. В апреле 1945 г. в Кенигсберге начинается паника, гитлеровские разведчики надеются выбраться из города и уйти от возмездия, но Янус (он же майор Вернер фон Шлиден) мешает им в этом, правда, ценой своей жизни...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182024-4

© Гагарин С.С., наследники., 2023
© ООО «Издательство Эксмо», 2023
© ООО «Издательство Яуза», 2023

ЧАСТЬ I

МИССИЯ В КЁНИГСБЕРГЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ВАЛЬКИРИЯ» НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

1

В марте 1944 года подводная лодка германского флота «Валькирия» не вернулась из рейса.

Когда истекли контрольные сроки, корабли военно-морской базы, к которой была приписана «Валькирия», приспустили флаги, офицеры надели траурные повязки. В штабе внесли подводную лодку в реестр пропавших без вести кораблей, и родные невернувшихся моряков узнали про их славную гибель в бою с врагами Великого рейха.

Однако мало кто знал, что «Валькирия» вовсе не предназначалась для военных действий. Более того, у нее никогда не было ни одного торпедного аппарата и никакого артиллерийского вооружения. Спаренный пулемет на рубке да пистолеты у офицеров. «Чтобы самому отправить себя в Валгаллу», — мрачно острил Теодор фон Бетман, старший помощник командира субмарины, чистопородный дворянин из Пфальца, эlegantный моряк-наци, поклонник Вагнера и Гете.

Об истинном предназначении подводной лодки знали немногие. Еще в меньшей степени были известны маршруты ее длительных плаваний в океане.

Перед очередным рейсом «Валькирии» начальнику базы вручали секретный пакет, привезенный фельд-курьером из Берлина. Начальник вызывал командира субмарины, и тот в присутствии первых двух вскрывал пакет после регистрации его в специальном журнале. За сургучными печатями скрывался другой конверт, его командир подводной лодки уносил на корабль нераспечатанным. «Валькирия» отдавала швартовы, и только в открытом море, придя в назначенный квадрат, ее командир мог узнать, куда предстоит продолжить курс подводной лодки.

Такая процедура неукоснительно выполнялась перед каждым выходом субмарины. Так было и в январе нынешнего года. «Валькирия» вышла в открытое море. Вышла и не вернулась.

2

Загорелый мускулистый человек ступил из океана на золотистый песок пляжа, отряхнул капли и не торопясь двинулся вдоль кромки воды.

Стоял тот ранний час, когда на пляже Копакабана, что в Рио-де-Жанейро, людей было еще немного. С Атлантического океана тянул освежающий ветер, отодвигая в глубь континента плотное покрывало горячего воздуха, поднимающегося от асфальтовых улиц города.

Этот знаменитый пляж был второй половиной улицы — авениды Атлантика. С другой стороны располагались отели и рестораны, жильцы и посетители которых, перейдя мостовую, могли окунуться в ласковые воды океана.

Человек остановился и ногой шевельнул полузасыпанную бутылку. Потом наклонился, поднял ее,

вытряхнул песок, повертел в руках, вдруг резко размахнулся и далеко забросил ее в воду.

— Здравствуйте, Герман, — обратился к нему пожилой мужчина с рыжеватой шкиперской бородкой и крепко сбитым, совсем не по возрасту, телом. Он лежал на спине шагах в пяти и сейчас приподнялся на локте, прикрывая рукою глаза от светившего с востока солнца.

— Здравствуйте, доктор Зельхов, — ответил Герман и опустился рядом на песок.

— Вы опоздали на пятнадцать минут, — сказал доктор Зельхов.

— Чистейшая случайность, — сказал Герман. — Видите ли...

— Не надо подробностей. Давайте о деле и да пусть обходят вас случайности стороной, мой мальчик. Даже когда вы находитесь дома. Хотите сигарету?

— Благодарю вас, я недавно курил. Шхуна пришла ночью, доктор Зельхов. Команда рассчитана сразу и теперь, наверно, уже пропивает полученные деньги. На судне остались капитан и этот мексиканец Перес.

— Как он работает, Перес? — перебил Германа доктор Зельхов.

— Надежный парень, на него можно положиться. У него слишком темное прошлое, а концы все у меня в руках.

— Но вдвоем они не выведут шхуну из порта?

— Да, конечно, — ответил Герман. — Я подготовил еще двоих. Пятым буду я сам. После перегрузки лишних людей устраним.

— Будьте осторожны. Не забывайте, что правительство этой страны еще в сорок втором объявило

нам войну. И мне не нужны здесь никакие осложнения, Герман.

— Понимаю вас, доктор. Нашим землякам в Бразилии приходится сейчас туго. Где произойдет встреча?

— Квадрат 27–15. Вы должны находиться в нем с двадцати трех часов до полуночи. Сигнал — красный огонь, видимый по всему горизонту, и ниже его зеленые вспышки. Сигнал подаете вы. Они подойдут к вам сами. Их пароль: «Доброе утро!» Вы ответите: «Неисправен компас, ночи сейчас холодные». Разговор вести только на испанском языке.

— Все понимаю, — сказал Герман. — Сегодня в ночь?

— Именно сегодня. Сколько груза на борту?

— Сто шестьдесят тонн, — сказал Герман. — Сто пятьдесят в слитках, остальное в монетах.

Доктор Зельхов поморщился:

— Надо переплавлять все. С монетами опаснее.

Герман пожал плечами.

— Это уже не наша с вами забота, доктор Зельхов, — сказал он.

— Да, — сказал доктор. — Минут через пять уходите, Герман. Сначала в воду. Потом выйдете где-нибудь. Отдохните днем. Сегодня ночью вам предстоит тяжелая работа. И помните: в квадрате 27–15.

— Помню... Хорошо бы работать нам в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Хоть родную речь услышишь.

— Вы слишком наивны, Герман, для столь серьезного дела, которое нам поручили, — сказал доктор Зельхов, отвернувшись от собеседника и рассеянно разглядывая на линии горизонта темные острова-скалы. — Разве не дошла до вас информация о том, что бразильское правительство запретило немецким

колонистам штата Риу-Гранди-ду-Сул разговаривать на их родном языке? Радуйтесь тому, что здесь, в штате Гуанабара, почти нет наших соотечественников, и потому мы можем работать спокойно. Относительно, конечно.

— Знаю я все это, — махнул рукой Герман. — Просчитались мы с дурацким рейдом «Ундербот-507». Надо было топить эти жалкие пять бразильских торговых судов... Что они стоили с теми миллионами тонн, которые отправили на дно наши парни? А эта неумная операция толкнула Бразилию в объятия врагов рейха.

— Неумно поступаете вы, Герман, пытаетесь критиковать действия фюрера. Ладно, ладно, я вас только предостерегаю. Ваше время истекло. Идите...

3

Наивный, по мнению доктора Зельхова, Герман Краузе, сотрудник специальной группы РСХА¹, выполняющей в Бразилии особое задание рейха, в общем-то, был прав, называя неразумными действия германской субмарины «У-507», которая 16 и 17 августа 1942 года потопила у побережья Бразилии пять бразильских гражданских судов. Эта акция вынудила крупнейшее государство Латинской Америки объявить 22 августа 1942 года нацистской Германии и фашистской Италии войну. По иронии судьбы именно в этот день гитлеровцы объявили на весь мир, что их знамя со свастикой развевается на вершине Эльбруса...

Вступив в войну на стороне союзников, Бразилия предоставила им свои аэродромы и порты. Действуя оттуда, объединенные силы антигитлеровской коали-

---

¹ РСХА — Главное управление имперской безопасности.

ции довольно быстро нейтрализовали попытки субмарин адмирала Дёница заблокировать Южную Атлантику.

Но еще до начала Второй мировой войны президента Бразилии Жетулио Варгаса тревожили активные действия германских нацистов в стране, хотя именно его правительство в 1932 году фактически санкционировало создание профашистской партии «Интегралистское движение», которую возглавил реакционный журналист Плинио Салгадо.

Но одно дело свои, доморощенные интегралисты, а другое — действия германских нацистов на юге страны, где еще в 1824 году была основана первая немецкая колония Сан-Леополду. И Жетулио Варгасу были известны слова фюрера о намерениях рейха относительно его, Варгаса, родины.

«В Бразилии, — нагло утверждал Гитлер, — мы будем иметь новую Германию! Мы имеем особое право на этот континент... Прошло время, когда немцы вынуждены были уступать место Испании и Португалии и играть повсюду роль опоздавших».

Немцы появились в Бразилии сначала в самом южном штате ее, Риу-Гранди-ду-Сул, во времена правления короля Педру I. Занималась переселением их из Германии его жена Леопольдина, потому и нарекли колонисты свое первое поселение, основанное 25 июля 1824 года, Сан-Леополду. Находится этот город к северу от Порту-Алегри, столицы штата.

Первыми колонистами были осужденные преступники и бывшие солдаты. Они создали хорошо организованную систему гражданской обороны и под ее охраной принялись корчевать тропические леса и обрабатывать землю. А на помощь им ехали все новые и новые переселенцы из фатерланда, и уже в описы-

ваемое время число немцев перевалило далеко за миллион человек.

В Первую мировую войну власти несколько умили националистический пыл бразильских немцев, запретив немецкие школы, стрелковые клубы, издательскую деятельность. Но уже в начале двадцатых годов в Порту-Алегри было полтысячи германских предприятий, из Германии ехали священники, основывались новые монастыри, союзы обороны могли при случае поставить под ружье тысячи хорошо обученных волонтеров. В 1940 году в штате существовала тысяча частных немецких школ, в них обучались более 40 тысяч немецких детей. Обучались в соответствующем духе, ведь во всех кинотеатрах шли фильмы, произведенные в Германии, население собиралось у радиоприемников и восторженно внимало речам фюрера, которые со скоростью 300 тысяч километров в секунду пересекали океан и ударялись в сердца тоскующих по фатерланду немцев.

Были созданы заграничные отделения НСДАП, гитлерюгенда, их боевики маршировали по бразильской земле в нацистской форме, распевая: «Сегодня мы завоюем Германию, а завтра весь мир...» Дело принимало нешуточный оборот, в прессе постоянно появлялись сообщения о гитлеровских планах захвата Нового Света.

Ведь именно из южной Бразилии собирался Гитлер завоевывать Латинскую Америку, «прыгнув» сюда через Атлантику после захвата французских колоний в Экваториальной Африке... И соотечественники ждали его с нетерпением, накопив изрядное количество гранат, пулеметов, автоматов и патронов к ним и тайно

обучаясь в джунглях стрелковому искусству и методам диверсионной войны.

Тогда правительство Варгаса вынуждено было принять в 1941 году решительные меры против «собственных», но таких ненадежных немцев. Закрыли их школы и газеты, выходившие на немецком языке с 1824 года, конфисковали радиоприемники и нацистскую литературу, все *бразилейро* германского происхождения были взяты под полицейский надзор, говорить по-немецки разрешалось лишь у себя дома. Были закрыты и церкви.

Бразильское правительство сделало все, чтобы ликвидировать немецкую пятую колонну в стране. Но с профессионалами типа доктора Зельхова справиться куда труднее. Их действия могли парализовать только другие профессионалы, но более высокого класса.

4

Крупный марлин стремительно пошел в атаку. Стайка летучих рыб вырвалась на поверхность океана и на длинных плавниках стремительно заскользила в сгустившейся темноте, спасая жизнь.

Вскоре летучие рыбы опустились в воду. И только одна из стаи, летевшая выше других, не вернулась обратно. Зацепив плавником перископ, она упала под ноги стоящих на мостике субмарины людей, едва не сбив белую фуражку с головы командира лодки.

— Пакость! — выругался командир и пинком отшвырнул летучую рыбу в угол.

— Срок встречи со шхуной через полчаса, — отозвался Теодор фон Бетман, его старший помощник.

— Вы уверены в обсервации нашего места? — спросил командир.

— Вполне, фрегаттен-капитан.

— Хорошо. Тогда подождем.

«Валькирия» с погашенными огнями стояла в квадрате 27–15. Она находилась в позиционном положении: длинный узкий корпус субмарины прятался под водой, и лишь рубка, словно рифовый утес, едва угадывалась в быстро наступающих сумерках.

— Наше место как раз на тропике Козерога, — после минутной паузы нарушил молчание старший помощник.

Ему никто не ответил. Командиру не хотелось говорить, матрос-сигнальщик и боцман не имели права на праздные разговоры, и на мостике «Валькирии» наступила тягостная тишина.

Тем временем шхуна «Ориноко» приближалась к месту встречи. Несколько часов назад под командованием Ганса Древица, немца, родившегося в Аргентине, она вышла из порта Рио-де-Жанейро в открытое море. Портовые власти по заявлению капитана отметили в документах: порт назначения — Санту-Каравелос, груз — швейные машины, команда — пять человек.

Помимо капитана на борту находились его помощник, мрачного вида мексиканец Перес, по слухам отъявленный в прошлом бандит, Герман Краузе, который считался в Бразилии эмигрантом из Чехии по имени Густав Симак, и два матроса с аргентинского парохода, отставшие от судна и соблазненные перспективой подработать немного в этом рейсе. Звали их Джо и Луис.

На шхуне был установлен сильный двигатель с дистанционным управлением из рубки. Он гнал сейчас «Ориноко» в указанный квадрат. Капитан Древиц и Герман Краузе смотрели вперед. Перес стоял на руле, матросы играли в кубрике в кости.

— Кажется, мы прибыли на место, — сказал капитан и сбросил ход до малого.

— Стопорите машину и приготовьте огни. Через пятнадцать минут начнем, — распорядился «чех».

Над морем загорелась красная звездочка, а ниже ее мигнул зеленый огонек...

Им пора уже появиться, — проворчал командир «Валькирии», поднося к глазам светящийся циферблат часов.

— Они могли и опоздать, — ответил фон Бетман.

— А вы уверены, что мы находимся там, где нам следует быть? — снова спросил командир.

Теодор фон Бетман обиженно засопел:

— Я лично проверил расчеты штурмана. Можете посмотреть сами.

— Вижу огни! — крикнул сигнальщик.

Нельзя ли потише, — буркнул командир. — Вы не на загородной прогулке. Боцман, становитесь к штурвалу. Будем подходить. Это, видимо, они. Но будьте осторожны...

...Перегрузка тяжелых ящиков со шхуны на субмарину продолжалась до рассвета. В ней участвовали экипажи обоих судов.

Дважды ходил на подводную лодку Перес и возвращался с бутылкой настоящего шнапса в руках. В один из таких походов, улучив момент, когда в отсеке субмарины никого не было, Перес быстро вынул из внутреннего кармана куртки металлическую плоскую коробку размером с портсигар, нагнулся и засунул ее под одну из многочисленных труб, идущих вдоль внутренней палубы «Валькирии». Потом он не спеша выбрался наружу, перешел на шхуну, отдал бутылку

Герману, выпил предложенные ему «чехом» полстакана и спустился в трюм, где работали Джо и Луис.

К утру все «швейные машины» лежали в стальной утробе «Валькирии». Герман Краузе поднялся на мостик лодки, минут пять поговорил с командиром, склонившись к его уху, тот согласно кивал, затем вернулся на шхуну «Ориноко». Матросы с «Валькирии» отдали концы, и корабли разошлись в разные стороны.

— Пойдем на север, капитан, — сказал Герман. — В порт Ресифи. Перес, станьте к штурвалу. Хочу выдать аванс этим ребятам. Эй, вы! Джо, Луис!

Матросы сидели на трюме, опустив уставшие от ночной работы руки. Услышав зов «чеха», они тяжело поднялись и направились к стоявшему у дверей рубки Герману.

Субмарина «Валькирия» скрылась из виду. Шхуна «Ориноко» набрала уже скорость и быстро удалялась от места встречи на север.

— Вы молодцы, парни, — сказал Герман. — Что скажете в отношении доброго глотка и пары монет авансом?

Джо, здоровенный мулат, радостно засмеялся и подпрыгнул на палубе.

— Хорошо, хозяин, это хорошо, — сказал он.

Луис, длинный худой индеец-полукровка, застенчиво улыбнулся.

— Держите бутылку и деньги, — сказал Герман Краузе. — И можете отдохнуть в кубрике.

Матросы повернулись и плечом к плечу пошли к себе в кубрик на полубак.

Герман Краузе посмотрел на капитана, стоявшего у открытого окна рубки, показал глазами в длинную

спину Луиса и левой рукой достал из шкафчика короткий автомат.

Выстрелы грянули одновременно. Луис споткнулся, ничком упал на палубу, дернулся, затих, и бутылка выпала из его рук, медленно покатилась к фальшборту.

Пуля остановила Джо, словно стена возникла перед ним. Мгновение стоял он, не двигаясь с места, и Герман Краузе стал вновь поднимать короткий автомат.

Только не успел он выстрелить в спину мулата. Джо резко повернулся. На светлой рубашке уже расплылась вишневая клякса.

Джо приближался, а Герман дергал затвором и пятился к рубке. Наконец над притихшим утренним океаном разнесся звук очереди, и пули из автоматной обоймы разодрали в клочья здоровенную грудь мулата.

Он сделал последний шаг.

— Хозяин, — прохрипел Джо, — зачем...

Изо рта мулата показалась кровавая струйка. Глаза его закатились. Он вскинул руки и повалился навзничь на деревянную палубу «Ориноко».

...Субмарина германского флота «Валькирия» некоторое время двигалась в надводном положении. Затем командир приказал начать погружение. Лодка пересекала район интенсивного судоходства, и немецким подводникам вовсе не улыбалась перспектива быть обнаруженными.

Послушайте, Теодор, я посплю пару часов, — обратился командир к фон Бетману. — Идите пока к острову Мартин-Вас. Там привяжемся к суше пеленгами, определим координаты и повернем к экватору. Побудьте здесь вместо меня. Я сменю вас через два часа, Теодор.

Бесшумно работали электромоторы «Валькирии». Вахтенные стояли на своих местах, старший помощник сидел в командирском кресле на центральном посту управления, время от времени наливал из термоса кофе и выпивал его из фарфоровой чашки маленькими глотками. Потом проверял курс и глубину, с тоской думал о немыслимой сейчас сигарете и поглядывал на часы.

Все остальные спали на узких койках, спали без сновидений. Тяжелым сном измученных ночной работой людей.

Теодор фон Бетман сидел на центральном посту управления и думал о превратностях судьбы, забросившей его, блестящего офицера-подводника, в эту жестяную банку, начиненную «швейными машинами» вместо грозных торпед.

Он взглянул на часы и выругал рулевого, отклонившего лодку на три градуса от курса. Потом, сгибаясь в овальных дверях отсеков, пошел в каюту командира.

Дойти Теодору фон Бетману не удалось. Плотный воздух толкнул его в спину. Фон Бетман упал вперед, ударившись подбородком о комингс двери. Боль в подбородке — последнее, что ощутил старший помощник командира.

Рулевой на центральном посту увидел, как развернулась вовнутрь обшивка и черная вода ринулась к нему, чтобы схватить, смять его и уничтожить.

Командир подводной лодки умер не просыпаясь. Матросы в носовом отсеке, оторванном взрывом, но сохранившем герметичность, прожили еще немного. Железная урна, кувыряясь, падала на дно океана, и где-то на третьей сотне метров ее раздавила толща воды.

...В полумиле по правому борту грузового парохода, идущего из Риу-Гранди в Монровию, поднялся и заискрился на солнце водяной купол. Он помедлил мгновение и лопнул, вызвав переполох среди экипажа бразильского парохода «Сао Пауло».

На месте исчезнувшего купола ширилось радужное пятно. Пароход подвернул к нему. Спустили шлюпку, стали подбирать обломки и трупы, выброшенные вместе с воздушным пузырем.

Время было военное, и капитан «Сао Пауло» запретил радисту сообщать о случившемся в эфир. Он попытался определить национальность тех, кого выловили его матросы, но это не представлялось возможным. Ни документов, ни каких-либо примет, кроме признаков расы, капитан не обнаружил.

Трупы были похоронены в океане, а по приходе в свой порт капитан написал о случившемся рапорт судовладельцам. Рапорт был прочитан и спрятан в секретный сейф фирмы. Возможно, он лежит в нем до сих пор.

5

На подводной лодке «Валькирия», исчезнувшей при загадочных для германского командования обстоятельствах, находилось сто шестьдесят тонн никеля в слитках и монетах Соединенных Штатов Америки и Канады.

Никель — блестящий серебристо-белый металл, значащийся в периодической таблице Менделеева под номером 28, тугоплавкий, твердый и неизменяющийся на воздухе, с удельным весом 8,9, который до конца XVIII века химики принимали за «жженный, потерявший душу кобальт», был такой же сложной про-

блемой для Германии, как и горючее, а может быть, и более сложной. Ведь горючее из нефти можно хоть чем-то заменить. Никель же незаменим. Без никеля нет брони. Без брони нет танков. Без танков нет победы на огромных военных театрах Второй мировой войны...

Впервые на этот элемент обратили внимание в Саксонии. В Германии руд, содержащих никель, мало, природа обделила Германию никелем. Крайне незначительные запасы его есть в Рейнской долине. Основную часть никеля Германия получала из Канады, а также через посредников из французской Новой Каледонии.

Началась война, канадский и каледонский источники были потеряны для рейха. Гитлер захватил Грецию, а вместе с нею и никелевые рудники. Союзница Германии, Финляндия, открыла для немцев рудники на севере, в районе Петсамо. Там работали заключенные и военнопленные. Целый эсэсовский корпус обеспечивал охрану рудников и гарантировал бесперебойную добычу красного никелевого колчедана и отправку его в Германию на металлургические заводы.

Еще в 1890 году на заводах Шнейдера в Крезе были организованы опыты по изучению главного свойства никеля. Испытывалась сталеникелевая броня, которую шнейдеровский завод изготовил по заказу военно-морского флота США. При этом выяснилось, что прибавка никеля к стали намного увеличивает способность брони сопротивляться снарядам. Присутствие никеля в стали делало ее вязкой, она переставала растрескиваться при ударах снарядов о нее. Специалисты установили, что вообще прибавка никеля к железу увеличивает предел упругости и сопротивление разрыву металла, не уменьшая его вязкости.

При пятнадцатипроцентном содержании никеля с прибавкой небольшого количества хрома сталь приобретала небывалую прочность, а сопротивление разрыву доходило до 180 килограммов на квадратный миллиметр. В обычных промышленных условиях добавка в сталь до четырех процентов никеля давала прекрасные результаты.

Но где взять столько никеля при массовом производстве танков?

Когда советские танки Т-34 появились на полях сражений, немецкие специалисты были поражены неуязвимостью их брони.

По приказу из Берлина первый же захваченный Т-34 был доставлен в Германию. Здесь за него взяли химики. Они установили, что русская броня содержит довольно большой процент никеля, что и делает ее сверхпрочной.

Хроническая нехватка никеля привела к тому, что к 1944 году имперские военные заводы вынуждены были изготавливать танковую броню повышенной толщины, до 165 миллиметров. В этой броне вместо требовавшихся двух-четырёх процентов никеля содержалось один-полтора. Такая броня была более хрупкой, и «Тигры», «Пантеры», «Фердинанды», одетые в нее, оказывались тяжелее и слабее советских танков и самоходок.

«Никель и никель! Больше никеля!»

Панический вопль германской промышленности был услышан в Рейхсканцелярии, и ведомство Гимmlера — РСХА — получило указание фюрера взять никелевую проблему под особый контроль.

Помимо усиления эксплуатации европейских источников никель решено было добывать через немец-

кую агентуру на Северо-Американском континенте. Любыми путями! Пятая колонна Германии в Штатах и Канаде не гнушалась даже сбором никелевых монет, часть которых переплавлялась в слитки, а часть в первоизданном виде вместе с серебристыми брусками переплавлялась в рейх.

Тщательно продуман был маршрут таких транспортов. Никель отправляли в нейтральные латиноамериканские государства на обычных судах. Там в условленном месте их ждали подводные лодки, подобные «Валькирии». С субмарины снимали торпедные аппараты, чтобы взять на борт побольше никелевых брусков.

Со второй половины войны Германия потеряла преимущество в танковых силах. Советский Союз, создавший новую танковую промышленность на Урале и в Сибири и обладающий поистине неисчерпаемыми запасами никелевой руды, выставлял против немецких танковых армий все новые и новые машины с непробиваемой броней. Чтобы успешно соперничать с русскими, необходимы были новые танки, нужна была отличная броня. Нужен был никель. Никель — любой ценой.

6

Карлсхорст, один из пригородных районов Берлина, разбросал свои улицы, составленные из уютных особняков, на восточном берегу озера Руммельсбург. Предместье надвое разрежала железная дорога, идущая из Франкфурта в столицу.

В тот день, один из последних дней июля 1944 года, погода с утра была солнечной. Но ближе к полудню, когда человек среднего роста в новеньком мундире гауптмана германской армии вышел из вагона метро на

последней станции в северной части Карлсхорста, небо затянуло тучами. Вскоре стал накрапывать дождь, и, переходя мост, переброшенный через железнодорожную линию, гауптман развернул черный клеенчатый плащ и накинул его на плечи.

Вдоль озера он прошел километра полтора и свернул наконец на тенистую улицу. Огромные липы на ней сомкнули кроны, на улице было темно, словно наступил вечер. Дождь продолжался, но листья деревьев закрывали ему дорогу, и мостовая оставалась сухой.

На калитке третьего от поворота дома висела бронзовая табличка с готической надписью:

«Д-р Иоганн фон Шванебек.

Профессор медицины.

Урология и венерические болезни.

Прием с 9 до 12 часов».

Гауптман помедлил, повернувшись, оглядел пустынную улицу — очевидно, так поступали все клиенты профессора — и нажал кнопку звонка. Над головой его щелкнуло. Один из двух массивных столбов из песчаника, между которыми находилась чугунная калитка, откашлялся и пророкотал:

— Входите, не заперто.

Гауптман толкнул калитку, быстро прошел к входной двери особняка, взбежал по ступенькам и открыл тяжелую дверь с львиными головами вместо ручек.

Из небольшой прихожей гауптман попал в просторный высокий холл с мягкими креслами вдоль стен и лестницей, спиралью поднимающейся наверх, где опоясывал помещение круглый балкон.

Офицер сделал шаг и остановился осматриваясь.

— Молодой человек — жертва любви?

Гауптман обернулся. За спиной его стоял плотный седой старик с короткой клочковатой бородкой, прикрывавшей румяные щеки. Старик улыбался.

— Здравствуй, мой мальчик, — тихо сказал он. — Наконец-то я вижу тебя.

— Дядя Иоганн?

Гауптман бросился к старику и обнял его.

— Полегче, эй, полегче! — смеялся старик. — Сумасшедший!

Он вдруг напрягся, легко оторвал гостя от пола и закружился с ним по комнате.

Они хлопали друг друга по плечам, смеялись и снова тискали друг друга.

Вдруг гауптман остановился, улыбка пропала с его лица, он обвел рукой вокруг и вопросительно взглянул на старика.

— Чудак, — сказал дядя Иоганн. — И меня ты хочешь учить конспирации, поросенок?

— Ну что вы, дядя Иоганн! — запротестовал гауптман. — Как можно!

— Ладно, ладно. Дома никого нет, Вернер. Пойдем наверх. Угощу тебя чем-нибудь. И поговорим. Сколько лет мы не виделись?

— Восемь, — сказал Вернер. — Восемь лет.

«Крепок старик, — подумал он. — И само время его не берет...»

Вернер вспомнил первую свою встречу с профессором, когда он только что приехал в Германию и два месяца жил в доме Иоганна Шванебека в качестве племянника, приехавшего погостить у столичного дядюшки.

По документам он вырос в Азии, потом жил в Южной Америке, в семье германского инженера-дипломата, и почти не бывал в фатерланде.

Профессор Иоганн Шванебек был первым человеком, с которым Вернер встретился на чужой земле. Он был ему наставником, добрым другом, оберегающим от неосторожных поступков, за любой из которых пришлось бы заплатить жизнью...

Они стояли наверху у открытого окна и смотрели на блестящие от дождя листья деревьев. Сиреневый сигаретный дым лениво подбирался к окну и, достигнув его, начинал метаться в стороны, не решаясь покинуть комнату.

— В чем дело? — сказал Вернер. — Почему на меня недели этот мундир? Ведь я был прочно забронирован от фронта...

— Так приказано, мой дорогой. Завтра ты явишься в свое ведомство и получишь назначение в Кёнигсберг. Будешь работать в штабе.

— А мое задание у Круппа?

— Ты его выполнил, Вернер. Теперь мы имеем надежные связи в Швеции. И все это благодаря тому, что ты руководил поставками оттуда редких металлов для Круппа. Информация о том, что некоторые американские монополии сотрудничают с немцами через нейтральные государства, передана правительству, и Москва использует ее по назначению. Я уполномочен передать тебе благодарность командования. И большой привет от твоего отца.

Профессор Иоганн фон Шванебек протянул Янусу руку и крепко стиснул его ладонь.

— И от меня тоже.

— Спасибо, дядя Иоганн, — сказал гауптман. — Служу Родине.

— В Швеции ты показал высокий класс работы, мой мальчик. У нацистов там хорошо налаженная служба, они не дали в свое время развернуться англичанам, сотрудникам знаменитой Сикрет интеллидженс сервис, а у тебя вот получилось... Молодец!

Профессор хлопнул гауптмана по плечу.

— Перехвалите, дядя Иоганн, зазнаюсь и стану плохо работать...

Оба рассмеялись. Теперь можно и посмеяться, одна из опасностей позади.

Действительно, с самого начала Второй мировой войны англичане испытывали в разведывательной работе в Швеции серьезные проколы. Уже в тридцать девятом году Сикрет интеллидженс сервис стало известно, что в Германии осталось запасов руды для производства высоколегированной стали всего на девять месяцев, нацисты почти полностью зависят от поставок из Швеции, идущих через порты Окселелунд на юге страны и Лулео в Ботническом заливе. В Лондоне приняли решение сорвать эти перевозки и тем самым нанести значительный урон военной промышленности рейха. И тогда в Скандинавию отправились два крупных специалиста по щекотливым операциям: Стефенсон, он же автор задуманной диверсии, и профессионал по подрывным работам Александр Риксман.

Стефенсон рассчитывал взорвать краны и другие портовые механизмы в Лулео и Окселелунде взрывчаткой, которую прислали в Швецию дипломатической почтой. Она хранилась в подвалах британского посольства, а также в студии одного шведского скульптора.

Но и сам Стефенсон, и его технический, так сказать, эксперт Риксман действовали настолько бездарно и неосторожно, что вскоре об их затее узнала едва ли не вся Швеция.

Перестало это быть секретом и для немцев. Их посол проинформировал о готовящейся акции правительства нейтральной Швеции. Стефенсона выслали из страны, а Риксмана посадили в тюрьму.

Усложнила действия английских агентов в Швеции и неприятная история с тремя эсминцами, которые в свое время, еще до войны, шведы заказали в Италии. Эсминцы сошли со стапелей, когда началась уже Вторая мировая война... Надо было провести корабли через блокированный Ла-Манш и Северное море. Немцы против этого не возражали и даже предлагали нейтральным шведам свою помощь. Но англичане перехватили эсминцы, привели их в Шотландию, интернировали экипажи и относились к шведским морякам едва ли не как к военнопленным.

Это обстоятельство отнюдь не способствовало развитию проанглийских настроений в стране и, наоборот, усиливало благосклонное отношение к немцам, а в итоге усложняло работу сотрудников СИС и Швеции.

— Мой скромный успех, дядя Иоганн, не только моя заслуга, — сказал Вернер. — Сама наша политика в этой нейтральной стране помогла мне в работе. Шведы хорошо понимают, что после операции «Упражнение Вебер» их родину ждала судьба Норвегии и Дании. И только вмешательство нашего правительства в 1940 году спасло Швецию от вторжения Гитлера.

— Ты прав, Вернер, — сказал профессор. — И для тебя я уполномочен передать личный привет Арвида

Яновича, так сказать, неслужебного характера. Сейчас твой старик наш непосредственный и главный шеф...

— Какой он сейчас, отец? — задумчиво произнес Вернер. — Сколько лет мы не виделись с ним...

— Ну, если судить по его указаниям да разносам, Арвид Янович еще хоть куда! Я ведь отца твоего больше, чем ты, не видел. А когда-то вместе с ним воевали в горах Дагестана.

Гауптман грустно улыбнулся:

— Горы... Увижу ли я их когда-нибудь?

— Э, брось, дружок, ты что-то хандрить! Ведь недавно побывал в горах...

— Это Альпы, дядя Иоганн...

— Перестань грустить. Мы с тобой обязательно поедем в Араканское ущелье поклониться могилам Ахмеда и Муслимат. Да, есть приятная новость. В Латвии нашли Велту...

— Мама Велта! — воскликнул гауптман. — Говорите же, дядя Иоганн, что с ней?

— Не волнуйся, все в порядке. Велта, как ты знаешь, не сумела эвакуироваться, уж очень быстро они захватили Ригу. Но ей удалось скрыться, ее нашли подпольщики, потом Велта была в партизанском отряде, под другой фамилией, участвовала в боевых операциях. Сейчас ее вывезли в Москву самолетом. Индра около года находилась на передовой, в батальоне связи, была ранена, ее демобилизовали. Анита тоже хотела удрать на фронт: не пустили, мала еще. Так что все Вилксы теперь в сборе, один ты еще здесь...

— Не пришло время, дядя Иоганн, — сказал Вернер.

— Кстати, пользуюсь случаем сообщить тебе о новой акции, проведенной бывшими твоими людьми

в Бразилии. Исчезла еще одна подводная лодка. Конечно твоя заслуга тоже, Вернер.

Гауптман улыбнулся:

— Это, конечно, Перес... Молодец! Его работа... Отличный он человек, этот мексиканец. Внешность — ну только детей пугать, а большой души человечеще... В Испании воевал. Я ему жизнью обязан.

— Ловко они эти операции проводят, — сказал профессор. — Там ведь не один Перес, да, Вернер?

— Дядя Иоганн! Но ты ведь сам понимаешь...

Гауптман укоризненно посмотрел на старика.

— Молчу, молчу!

Профессор замахал руками:

— Стар становлюсь, Вернер. Разболтался, любопытствую. Ты прав, мой мальчик. Но о Бразилии я начал говорить все же неспроста. Сейчас нацисты хотят отказаться от доставки никеля через океан и наладили активную разработку никелевых руд на севере Финляндии, в Петсамо. Оттуда они доставляют никелевый концентрат в порт Угхуилласун. А там рукой подать до Кёнигсберга. Это ближайший от центров военной промышленности германский порт, к тому же отлично оборудованный. Транспорты с никелем идут в Кёнигсберг, а затем по сухопутью никель поступает в центральные районы. Надо обрубить и этот путь. Командованию нужен график движения транспортов. Более того, если транспорт ускользнет от наших подводных лодок на Балтике, нужно предпринять другие меры.

— Понятно, дядя Иоганн.

— В Кёнигсберге есть наш человек. Псевдоним его — Слесарь. Я дам тебе к нему рекомендательное письмо. Будешь держать через него связь. Слесарь в курсе всех дел.

— У меня будет прямой выход в Центр? — спросил Вернер.

— Да. Через Слесаря. Твоя миссия в Кёнигсберге основная. Все остальные люди, связанные со Слесарем, будут работать на тебя. Но ты будешь знать только Слесаря. Понимаешь?

— Конечно. Подробную ориентировку я получу от вас?

— И только от меня. Здесь, в Берлине, тебя никто больше не должен знать, никаких лишних встреч и знакомств до отъезда в Кёнигсберг. Но это еще не все. Нам известно, что в Управлении имперской безопасности подготовлен проект приказа о создании на германских территориях, которые будут заняты войсками Красной армии, диверсионных подразделений. Заниматься этим будут гестапо и СД. Возможно, к организации таких групп привлекут армию. По крайней мере, с технической стороны. Имей это в виду. Не исключено, что именно тебя подключат к этой деятельности.

— Когда вступит в действие этот приказ?

— Его прочитал Гиммлер и сделал ряд замечаний. Они учитывают это сейчас в РСХА. Я думаю, что, когда приказ вступит в силу, ты будешь уже в Восточной Пруссии. Это твое второе задание. И не знаю, какое из них важнее.

— Надеюсь не подвести, дядя Иоганн.

Вернер вдруг широко ухмыльнулся, пытался стереть улыбку с лица, но это ему не удалось, и гауптман рассмеялся.

Профессор Шванебек нахмурился:

— Что с тобой, Вернер? Кажется, я говорю о серьезных вещах...

— Простите меня, дядя Иоганн. Опять вспомнил о табличке у вашей калитки. Лучшего прикрытия и придумать нельзя... Ведь все клиенты ваши должны казаться возможным наблюдателям людьми подозрительными, пытающимися проскользнуть в этот дом незаметно. А уж их шефам давно известно, что профессор Шванебек пользуется тех, кто приобрел сомнительную болезнь.

Профессор хмыкнул.

— Доннерветтер! — сказал он. — Мне эту специализацию твой папаша удружил... Ведь я хирург, Вернер, и будто бы неплохой. Но мой старый друг Арвид Вилкс, когда обговаривались подробности моего длительного оседания в Берлине, вдруг сказал: «Иоганн, а ты подумал, по какой медицинской профессии ты будешь здесь работать?» — «А о чем тут думать? — воскликнул я. — Или ты забыл, кто вытащил из твоего брюха басмаческую пулю в двадцать втором году?» — «Нет, — сказал Арвид, — этого я не забыл... Но для пользы нашего дела тебе надо стать венерологом. Поэтому до Берлина ты пройдешь курс в Вене. Мы устроим тебе стажировку у лучших специалистов Европы... А про особую пользу своей новой профессии ты, надеюсь, уже сообразил». Он оказался прав, Вернер. Мое нынешнее положение, как ни парадоксально на первый взгляд это выглядит, гораздо прочнее, надежнее и полезнее, нежели положение хирурга. Если бы ты знал, Вернер, какие пикантные, с нашей точки зрения, конечно, бывают у меня клиенты... Но тут я умолкаю, ибо для меня врачебная тайна прежде всего.

— Клятва Гиппократа?

— Вот-вот, мой мальчик. Но вернемся к нашим бабранам, как говаривали в старину. Ты мой лучший уче-

ник, Вернер. Только не зарывайся, береги себя. Мне хочется вместе с тобой отпраздновать нашу победу. И еще раз побывать в твоих Кавказских горах. Вспоминай иногда, как утверждал в своих «одах» Гораций, «нет ничего трудного для смертного».

— Будет и на нашей улице праздник, дядя Иоганн.

— Дай бог, — сказал профессор. — Ладно, садись в кресло и слушай. Слесарь живет в Кёнигсберге под фамилией...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОРАНЖЕВАЯ ОСЕНЬ 1944 ГОДА

1

— Вам кофе, месье? Боюсь, что огорчу вас сегодня. Вы же знаете, как трудно достать сейчас натуральный. В Европе война, месье. И кофе у нас не растет. А чтобы привезти его из-за океана, надо избежать встречи с субмаринами бошей. В Европе убивают, а в Швейцарии тихо. Только нет натурального кофе... Старые запасы, увы, подошли к концу. Конечно, конечно, вы старый клиент, аккуратно платите по счетам. Я понимаю вас, месье, но я согласен совсем отказаться от кофе, только бы они... Знаете, я никогда не любил этих соседей. Их и сейчас слишком много в Швейцарии. Нужна валюта, месье, кофе можно найти на черном рынке. Возьмите этот пакетик. Только для вас, месье, ведь вы старый клиент...

Выходя на улицу, покупатель кофе осторожно придерживал дверь, услышал, как нежно звякнул колокольчик, и улыбнулся. Поправил неопределенного цвета мохнатую кепку, сунул руки в карманы светлого плаща и, ощупывая сквозь бумагу кофейные зерна, медленно двинулся по тротуару.

Бакалейщик был прав, когда говорил, что в Швейцарии тихо... Окруженная со всех сторон дивизиями вермахта, эта страна банкиров и часовщиков была ареной других, тайных битв, которые вели между собой разведчики воюющих государств.

Внешне спокойно было сейчас и в Женеве, по улицам которой шел неторопливо человек с пакетиком бразильского кофе в кармане плаща. Главный город одноименного швейцарского кантона, Женева, известная уже в 58 году до нашей эры и укрепленная в свое время Юлием Цезарем, переживала сложные времена. Резко сократилось число иностранцев, оставлявших здесь в прежние времена свою валюту в любое время года. Обезлюдели красивые бульвары и сады, сократилось число студентов университета, основанного еще Кальвином. Некому было любоваться городской ратушей шестнадцатого века, древним собором Святого Петра и образцом готики церковью Сен-Жерве, обсерваторией, музеями Рота и Фоля с их изумительными художественными и антикварными коллекциями. Пустел и квартал Сен-Жерве, который давно облюбовали для постоянного проживания иностранцы — до войны они составляли в Женеве добрую половину жителей города.

Человек вступил на мост через Рону, прошел его и оказался на левом берегу, где располагался Старый город.

Через пятнадцать минут он подошел к небольшой площади, купил в киоске газету, развернул ее и пробежал глазами заголовки. Последнюю полосу рассматривал, может быть, несколько дольше и пристальней.

Часы на башне ратуши пробили четыре раза. Человек в светлом плаще свернул газету, сунул ее в карман

и быстро пошел по тенистой аллее, ведущей к городскому кладбищу.

Метров за триста до главного входа он замедлил шаги. Выражение скорби появилось на его лице.

Потом он долго, незаметно посматривая по сторонам, выбирал цветы у пожилой расплывшейся торговки, которая даже не глядела на него, занятая спицами, клубками разноцветной пряжи и чем-то невообразимо пестрым, создаваемым ее проворными руками.

Даже не глянув на букет, торговка равнодушно назвала цену, и человек осторожно положил монету в массивную фаянсовую тарелку с идиллическими пастушками на дне.

На кладбище было пустынно. Две старушки в черных одеждах встретились ему по дороге.

Листья еще не начали опадать, но осень уже тронула их своим дыханием. Они потеряли часть изумрудных красок, зарделись горячим румянцем, а солнце, все еще горячее солнце, наполняло их радостным светом, и деревья словно смеялись, забыв о неизбежном завтра. Деревья смеялись. Они не знали, что это неуместно здесь, на кладбище, куда попали они волею человека, чтобы создать ему иллюзию умиротворенности и покоя, помогать предаваться размышлениям о бренности мира и тщетной суете сует.

«Помни о смерти!» — подумал человек. — Эти слова могут быть нашим профессиональным девизом...»

Он свернул на боковую дорожку. Потом медленно шел мимо мраморных надгробий и, когда увидел хорошо одетого мужчину в шляпе, сидевшего на скамейке со склоненной на грудь головой, не изменяя ритма движения, прошел мимо.

Шагов через пятьдесят человек остановился. Он повернулся, внимательно, но внешне незаметно, посмотрел по сторонам и пошел обратно. Когда садился на скамейку, мужчина в шляпе не шевельнулся.

— Красивая осень в этом году, — громко сказал человек в плаще, глядя в сторону.

Мужчина в шляпе не ответил.

— Оранжевая осень, правда? — сказал человек в плаще и повернулся к соседу.

Сосед безмолвствовал.

— Оранжевая осень, правда? — повторил человек в плаще и тронул соседа за рукав.

Мужчина в шляпе склонился в сторону. Человек в плаще вскочил на ноги. Его сосед медленно, неестественно медленно, упал рядом со скамейкой, раскинув в стороны руки. Шляпа покатила по дорожке и застыла на обочине полями кверху.

Широко раскрытые глаза трупа удивленно смотрели в синее небо Швейцарии.

С дерева оторвался первый лист и, вспыхнув янтарным светом на солнце, кружась, опустился на черный мрамор.

2

Начальник Шестого управления РСХА, ведающего заграничной разведкой, не любил солнце. Окна его кабинета выходили во внутренний двор здания и большую часть суток были закрыты шторами.

И сейчас в комнате царил полумрак. Свет небольшой матовой лампы освещал блестящую поверхность дубового стола и, отражаясь, падал на молоджавое лицо шефа, делая его неестественно бледным.

На столе почти ничего не было. Лежали только несколько листков с отпечатанным на машинке текстом. И еще скромный чернильный прибор.

Бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг собрал листки, поднес к глазам и близоруко сощурился.

На панели вспыхнула синяя лампа. Шеф бросил листки и протянул руку к кнопке. Почти одновременно отворилась дверь. Вошел человек в таком же темном костюме, в какой был одет сидящий за столом Шелленберг.

— Есть новости, Шмидт?

— Да, экселенц. Из страны № 18¹ наш А-3244, псевдоним Маркиш, подтвердил сообщение о ликвидации Зероу.

— Давайте сюда. Дело принесли?

— Так точно.

Шмидт подошел к столу, подал листок бумаги, потом развязал тесемки объемистой папки в черном переплете.

Внутри лежала другая папка несколько иной формы и красного цвета. На переплете было написано: «Агент-0117 — Зероу». Шмидт раскрыл ее и подал шефу.

— Ганс-Иоахим-Мария-Генрих фон Штакельберг, — прочитал вслух Шелленберг. — Вы знали его лично, Шмидт?

— Так точно, экселенц. Он работает, простите, работал с 1915 года. Находка полковника Николаи. Помните, знаменитое дело на русском фронте в 1916 году? Это его работа, Штакельберга.

Шеф перелистал страницы:

---

¹ Под этим номером была закодирована в нацистской разведке Португалия.

— Россия, Бразилия, Штаты, Испания, Португалия, Франция, Швейцария... И везде был натурализован?

— Он знал пять языков как свой родной. Это был разведчик высшего класса, экселенц.

— И все же... Его больше нет с нами, Шмидт.

Шеф выпрямился в кресле и щелкнул пальцами.

— Пути Господни неисповедимы, экселенц.

— Не сваливайте на Бога. Рейхсфюрер оторвет нам головы, если не раскопаем этого дела. Вернее, оторвет мне, а уж о вашей голове позабочусь я сам. Гораздо раньше, гораздо раньше, Шмидт! Ваши соображения?

— Русские или англичане.

— «Или» в устах разведчика? Стареее, Шмидт... А почему не янки?

— Очень уж аккуратно сделано. Американцы работают грубее.

— Недоцениваете противника, штандартенфюрер.

— Я десять лет работал с ними, экселенц, — обиженно произнес Шмидт.

Ладно, ладно. Поручите расследование «Лопусу».

— Уже сделано, экселенц. Он выехал в Женеву.

— Важно знать, почему произошел провал. Вы помните, к чему готовили Зероу?

— Разумеется.

— Значит, вам понятно, почему мы должны знать причины его провала. Кто-то докопался до нашей идеи. И наверняка знал, что Зероу мы перебрасываем в Кёнигсберг.

Он снова раскрыл папку, с минуту смотрел на большую фотографию, наклеенную на первой странице, потом написал несколько слов на листке бумаги, положил сверху на фотографию, захлопнул папку и про-

тянул ее Шмидту. Встал из-за стола, мягко потянулся, медленно подошел к окну и поднял штору.

— Скажите, Шмидт, как относился Канарис к покойному Штакельбергу? Ведь это его человек...

— Так точно, бригадефюрер. Один из лучших сотрудников адмирала. Он называл Зероу «верной лощадкой», фаворитом, который всегда приходит первым к барьеру.

Не поворачиваясь к Шмидту, бригадефюрер тихонько рассмеялся:

— Вот он и пришел к барьеру, Шмидт...

Штандартенфюрер укоризненно промолчал. Он был суеверен, как бывают суеверны люди опасных профессий, и сейчас молчанием своим как бы упрекал Шелленберга: вовсе не осторожно смеяться над мертвецами, да еще если они, эти мертвые, твои товарищи по партии, общей борьбе.

Вальтер Шелленберг, выдвинутый на пост главы управления партийной разведки и контрразведки за границей самим Гейдрихом, с самого начала стал конкурировать с ведомством адмирала Канариса. Он создавал целые направления и резидентуры, которые фактически дублировали деятельность агентов абвера. Но Шелленберг не был — увы! — профессионалом, не обладал основным достоинством разведчика — уметь свое воображение и опираться исключительно на факты, только факты и одни факты. Беда его была в том, что Шелленберг постоянно корректировал донесения агентов, подправлял их в ту сторону, которая казалась ему более желательной, давая при этом безудержную волю своему воображению.

Когда 19 февраля 1944 года адмирала Канариса сняли с поста начальника абвера и подчинили эту ор-

ганизацию военной разведки и контрразведки РСХА, именно Вальтеру Шелленбергу поручил Гиммлер реорганизацию детища Канариса. Теперь бригадефюрер мог делать с осиротевшей агентурой все, что ему хотелось. И этот болезненно самолюбивый дилетант устроил такую чистку, что эффективность работы германских агентов за пределами рейха заметно снизилась. Покойный Штакельберг был также зачислен начальником VI управления в разряд бесперспективных. Он направлялся в Кёнигсберг для проведения операции контрразведывательного свойства внутри службы СД, и вот его загадочная смерть заставила бригаденфюрера другими глазами взглянуть на А-0117, Ганса фон Штакельберга.

«Из переброски Зероу в Кёнигсберг на новую работу особого секрета никто не делал, — подумал бригаденфюрер. — И убивать его в таком случае было ни к чему. Но кому-то очень не хотелось, чтобы Штакельберг оказался в Восточной Пруссии... Кому?»

За окном умирал день. Последние лучи спустившегося солнца проникли во двор и зажгли пожелтевшую листву кленов.

Сощурившись от непривычного света, Шелленберг смотрел на верхушки деревьев, потом сказал не поврачиваясь:

— Кажется, уже осень?

Так точно, осень, бригадефюрер, — ответил Шмидт.

3

Второй день над городом висели низкие тучи, и самолет долго скользил вниз, заходя на посадку, пока вдруг не показалась в чахлах перелесках земля. Последние обрывки облаков, словно клочья ваты, рва-

нулись вверх, исчезли, и майор Климов облегченно вздохнул.

Двухмоторный «Дуглас» подвернул влево, резко «притормозил», так что пассажиров, сидящих на металлических скамейках, бросило вперед, качнулся из стороны в сторону, зазвенело пустое ведро в хвосте, мягко коснулся земли и побежал полосой, разбрызгивая лужи.

Климов думал, что его встретят, но машины из управления не было видно. Подошла «санитарка», забрала восьмерых раненых. Четверо летчиков, прибывших пассажирами, подхватили свои вещички и, весело галдя, подались к низкому строению аэродромного штаба. Майор достал было папироску, потом вспомнил, что курить здесь нельзя, и положил ее обратно в портсигар. Забросил на плечи рюкзак и хотел идти вслед за парнями, позвонить или вообще что узнать, но услышал шум мотора и повернулся.

Черная «эмка» затормозила рядом с ним. Открылась передняя дверца, и сидящий рядом с солдатом-шофером человек в кожаной, военного образца фуражке, черной, без погон куртке быстро спросил:

— Майор Климов?

— Да...

— Мы за вами приехали. Садитесь в машину.

...Худошавый, среднего роста человек с редкими блестящими сединами в темно-русых волосах вышел из-за большого письменного стола и шагнул Климову навстречу с протянутой рукой.

— Здравствуйте, подполковник. Удивлены? Да, майора Климова больше нет. Приказ о присвоении вам очередного звания подписан сегодня. Поздравляю. И благодарю за отличное выполнение задания.

Климов ответил на приветствие и продолжал стоять, не опуская руки и растерянно глядя на хозяина кабинета.

— Простите, — запинаясь, начал он, — но я вас видел уже... Не может быть... Вы ведь товарищ Ян? Ян Милич?

Климов теперь окончательно узнал в этом человеке тяжело раненного советника Испанской республиканской армии. Его привезли на рыбацкой шхуне к борту парохода, где находился Климов, уже получивший сообщение с приказом забрать человека по имени Ян Милич и доставить его в Советский Союз. Только перед Одессой Ян Милич пришел в себя. Климов не раз заходил к нему в каюту, но пассажир был очень плох, и разговаривать им не пришлось.

В порту Яна Милича встретили товарищи из одесского управления НКВД и бережно, на руках, перенесли в санитарную машину. Потом Климов получил благодарность командования и больше с тем человеком не встречался. Это было в тридцать девятом году...

— Откуда вы знаете Милича? — спросил генерал.

— Помните пароход «Красный Крым»? Я принимал вас на борт у тех берегов...

— Так это был ты? Спасибо, родной...

Генерал подошел к Климову и крепко обнял его.

— Значит, я должник твой, Климов.

Потом он усадил Климова в кресло и, взяв стул, сел напротив.

— Житейскими делами займешься позднее. Подробный отчет напишешь завтра. Жилье для тебя приготовлено. Обедом покормили?

— Так точно, товарищ генерал.

— Меня зовут Арвид Янович. Кури.

Он протянул Климову пачку папирос.

— Надо бы тебе отдохнуть с дороги, да уж никак нельзя. Собственно, дело даже не в тебе, а в том товарище, который завтра рано утром должен уехать. Пейте с ним крепкий чай: работать придется всю ночь. Примешь у него дела. Для этого мы и вызвали тебя так срочно.

Арвид Янович отложил в сторону коробок со спичками.

— Так вот, Алексей Николаевич, решено оставить вас в Центре, — сказал, снова переходя на «вы», Арвид Янович. — Возглавите отделение по Восточной Пруссии. Ваш главный объект — Кёнигсберг. Участок трудный, предупреждаю, весьма трудный, но интересный... Подойдите сюда.

Генерал подошел к стене, где висели закрытые шторками карты, и отодвинул одну из них.

— Вот Кёнигсберг, — сказал он. — Оплот и твердыня пруссачества. Плацдарм для нападения на славянские земли, «железная перчатка к горлу России».

— И «пистолет, приставленный к виску России», — подхватил Климов.

— Да, да. Ведь вы историк философии, Алексей Николаевич. Я просматривал вашу диссертацию об исторических предпосылках двойственной природы философии Канта. Знаете, мне понравилась смелость ваших суждений...

— Читали мою диссертацию? Господи, да я и думать о ней забыл. Представить только: я занимался философией Канта! Гм...

— О Канте в следующий раз, — мягко остановил его Арвид Янович. — Перейдем к делу.

Он посмотрел на часы:

— Сейчас придет ваш предшественник, а я должен еще ввести вас в курс дела, хотя бы в самых общих чертах. Район у вас будет трудный. На местное население рассчитывать, понятное дело, нельзя. Правда, в определенных польских, литовских и белорусских землях это не исключено. Там можно найти друзей нашей страны, хоть какую-то опору. Впрочем, в самой Польше обстановка довольно сложная. Я имею в виду деятельность Армии Крайовой и те надежды, которые возлагают на нее эмигрантское правительство в Лондоне и стоящие за «лондонцами» англичане. Этим занимаются другие товарищи, вам придется работать с ними в контакте. Вопрос с Польшей, как вы понимаете, деликатный.

— Понял вас, Арвид Янович.

— Ну и отлично. Личная ваша задача — Кёнигсберг, промышленные районы Пруссии, порты, секретные военные заводы, оборонительные объекты. Ваши сотрудники там: это, с одной стороны, кадровые, натурализовавшиеся работники Центра. Сюда я включаю и подлинных немцев, привлеченных к сотрудничеству в последнее время. С другой стороны — наши люди среди военнопленных и угнанных из России в Германию на работу. Между теми и другими поддерживается сложная, многоступенчатая связь. Связь надежная, но процесс прохождения сведений следовало бы ускорить. Общая задача: сбор военной и экономической информации, нейтрализация немецкой агентуры, расширение наших связей, организация диверсионной работы в Восточной Пруссии и постоянные контакты с работниками Штаба партизанского движения через отряды, действующие в районах Польши, Литвы и Белоруссии.

— Нас интересуют также, — продолжал Арвид Янович, — любые сведения о деятельности немцев по созданию нового оружия. У нас есть кое-какие данные. Они проверяются, и если подтвердятся — новое оружие по-настоящему опасная вещь...

Когда наши войска пойдут по территории Восточной Пруссии, их встретит ошетилившаяся оружием и укреплениями земля. Ваше отделение и вы сами, конечно, должны сделать все, чтобы облегчить нашим солдатам этот путь. Понимаете?

— Так точно, — сказал Климов. — Понимаю...

— И вот еще что. На конференции глав великих держав в Тегеране решено навсегда уничтожить опасность, которую представляет собой это гнездо германского милитаризма. Поэтому Кёнигсберг и Мемель с прилегающими промышленными районами: Тильзит, Инстербург, Гумбиннен и так далее, отходят к нам. К сожалению, информация уже попала в руки немцев. По каким каналам, вам это должно быть понятно. Впрочем, рано или поздно это стало бы им известно. Так или иначе, но этот фактор в своей работе вы должны учитывать.

Он осторожно закрыл карту шторой и взглянул на часы. Открылась дверь. Вошел высокий, широкоплечий мужчина лет сорока. Светлые волосы, крупный с горбинкой нос и серые выразительные глаза. Отлично сшитый костюм, белая сорочка с тщательно завязанным галстуком придавали ему чуждый военной Москве вид.

— А, полковник, — весело сказал Арвид Янович. — А вот и твоя замена.

— Знакомьтесь, товарищи, — продолжал он. — И за работу. К утру все надо закончить.

Генерал вздохнул:

— Такова наша жизнь... За дело. Времени у вас немного. Желаю успеха.

— Пойдемте, коллега.

Высокий полковник обнял Климова за плечи и легко повернул к двери.

— Устраивайтесь поудобнее, Алексей Николаевич, — сказал он, когда они вошли в кабинет, — теперь это ваши апартаменты.

Он жестом показал на письменный стол и удобное кресло за ним.

Потом подошел к большому сейфу и, трижды меняя ключи, открыл тяжелую дверцу. Полковник достал оттуда тонкую кожаную папку и положил на стол.

— Здесь самые общие сведения о наших людях, действующих на подопечной нашему отделению территории, — сказал он. — Личные дела вы посмотрите завтра, в нашем специальном хранилище. Здесь только короткие характеристики сотрудников, находящихся там, их закодированные имена. Я сейчас расскажу вам о каждом из них, поясню их возможности и связи.

— Начнем? — сказал полковник.

Климов согласно кивнул.

— Сначала представлю вам Януса. Прямо скажу: человек это необычный. На него мы возлагаем большие надежды.

...Всю ночь на Москву сыпал мелкий холодный дождь. К утру облака поредели. Поднявшийся ветер вконец изодрал ватное одеяло, которым укрылось небо, и после двух дней сырого сумрачья москвичи снова увидели солнце.

— I like this season...

— Indians summer?

— Yes.

— I like too¹.

...Полчаса назад голубовато-серый «Линкольн» миновал предместье американской столицы, развил скорость семьдесят миль в час, пересек окружную дорогу, свернул на узкий асфальтированный проселок и вскоре остановился. С двух сторон машину теснили красные, в осенней листве, деревья. Солнечные лучи ударялись о ветви столетних вязов и кленов, дробились на тысячи длинных горячих искр и усиливали впечатление пожара, охватившего лес.

Два человека, оба средних лет, в твидовых костюмах, с неприкрытыми головами, стояли у отдохавшего «Линкольна».

— Чертовски красиво, Джимми, — сказал наконец один. — Я рад, что снова вижу все это.

— Знал, что тебе будет приятно, Эл. Потому и привез сюда для разговора. Надоело просиживать стул в кабинете. И так?

— Сработано все было чисто. Сам готовил и проводил операцию. Нашему человеку в Кёнигсберге Зероу больше не страшен. Ведь он, этот нынешний труп в Женеве, был единственным, кто знал Ирокеза в лицо, и мог провалить его, стремясь выслужиться перед

---

¹ — Мне нравится это время года.

— Индейское лето?

— Да.

— Мне тоже (*англ.*).

«И н д е й с к о е л е т о» — американское выражение, соответствующее нашему «Бабье лето».

новым начальством. Хотя мы и успели перевербовать Зероу, но веры в него до конца не было ни у меня, ни у тебя, Джимми. Но теперь Ирокез может спокойно работать в Кёнигсберге. Что же, вовремя исправили наш просчет. Но ты бы посмотрел, какая физиономия была у типа, что пришел на явку к Зероу! Я наблюдал эту комедию из фамильного склепа какого-то часовщика. Пленки проявлены, негативы отменные. Сдать в отдел?

— Давай сюда. Что еще?

В Швейцарии немцы упорно подсылают своих людей к нашим парням. На всякий случай я разрешил завязать ни к чему не обязывающие контакты.

— Молодец, Элвис! Это именно то, что сейчас всем нам так нужно. Можешь рассчитывать на особую благодарность дяди Билла.

— А на премию?

— Разумеется. Ну, остальное в письменном докладе. И готовься к отъезду.

— Слушай, Джимми, я буду жаловаться в профсоюз! Гм, его у нас нет, а надо бы создать... Тогда надежнее станет фирма. Послушай, Джимми, я хочу дышать американским воздухом! Слышишь, Джимми, американским воздухом!..

— Однако ты становишься сентиментальным, Элвис. Но хороший патриотизм и доллары — отличное сочетание. Ты будешь дышать в старой доброй Америке ровно сорок восемь часов после сдачи доклада и всех материалов. И потом... Мы снимаем тебя со Швейцарии, Эл. Дела передашь... Впрочем, об этом дома. Ты полетишь в Москву, Элвис Холидей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБОРОТНИ РОЖДАЮТСЯ НОЧЬЮ

1

— Вы у нас недавно, гауптман?

— Так точно, экселенц, с начала августа. Прибыл из Рейнской области. Инженер по вооружению одного из заводов Круппа. Подготовку проходил в...

— Достаточно, фон Шлиден. Мне все известно о вас. Подойдите поближе.

Генерал от инфантерии Отто фон Ляш, командующий Первым военным округом Восточной Пруссии, подтянутый, выше среднего роста, начинающий полнетель, но умело скрывающий это мужчина, мягко ступая по ковру, вернулся к столу и взял в руки пакет, запечатанный сургучом.

— Гауптман фон Шлиден! Я поручаю вам сугубо секретное задание. Вам известно, что русские стоят на границе. Месяц-другой, и они, возможно, будут на нашей территории. Мы с вами солдаты и потому должны трезво оценивать обстановку... По приказу рейхсфюрера Гиммлера в оставляемых нами районах должны быть созданы группы «вервольф». Это будут особые подразделения, если хотите, наши немецкие партизаны. Сейчас формированием «вервольф» зани-

маются господа из СД, гестапо, партии и гитлерюгенд. Вермахту приказано оказать им всякое содействие и, в частности, выделить необходимое оружие и боеприпасы. Вы, гауптман, старший офицер отдела вооружения и потому сделаете это лучше других.

Ляш протянул фон Шлидену пакет.

— Здесь ваши полномочия, инструкции, списки частей, у которых возьмете оружие. Поступаете в распоряжение оберштурмбаннфюрера Хорста. Это офицер для особых поручений при восточно-прусском начальнике СД. Отправляйтесь немедленно. Хорст ждет в гестапо. У вас есть машина?

— В ремонте, экселенц...

— Возьмите одну из моих.

Он позвонил и сказал вошедшему адъютанту:

— Распорядитесь, Фридрих: машину гауптману. Идите, фон Шлиден.

— Хайлитль!

2

Машина мягко тронулась с места, вывалилась за ворота штаба и, набирая скорость, понеслась через Альтштадт.

Центральная часть Кёнигсберга, превращенная в развалины летними бомбардировками, подавляла обезображенными стенами домов, слепыми окнами и красной кирпичной пылью, словно кровавыми пятнами покрывавшей землю. Вернер фон Шлиден, прибывший в самый разгар бомбардировочного сезона, на себе испытал, что такое тысяча самолетов, которые утюжат небо, по несколько раз заходя на смертоносный курс.

«Летающие крепости» янки и томми обычно летели на большой высоте, стремясь уйти от огня зенитных

батарей. Они летели строем ромба, в каждом из которых было до полусотни огромных машин. За одной эскадрилей шла вторая, третья, четвертая... Однажды Вернер фон Шлиден насчитал двадцать «летающих ромбов».

Бомбы самолеты сбрасывали все разом, когда эскадрилья оказывалась над указанным для бомбометания квадратом. Взрывались они, бомбы, тоже почти одновременно — эффект был ужасающим... Это был один гигантский и как бы растянутый во времени взрыв, после которого вместо городских кварталов возникали пустыри, заваленные битым кирпичом.

Уходили «летающие крепости», и растерзанная земля покрывалась серебристыми полосками из станиоля. Их сбрасывали самолеты, чтобы создавать помехи на экранах радиолокаторов противовоздушной обороны Кёнигсберга. Порой вместе с бомбами на головы жителей столицы Восточной Пруссии падали и подвесные баки из-под запасного горючего, которые английские и американские летчики сбрасывали на землю, израсходовав топливо в них и перейдя на основные запасы...

Сейчас Кёнигсберг получил передышку. Второй фронт застрял в Бельгии. Союзникам было не до Восточной Пруссии, а русские город сейчас беспокоили редко. «Затишье перед бурей», — мрачно говорили товарищи Вернера. Сам Вернер фон Шлиден отмалчивался и лишь иногда таинственно намекал на главный шанс фюрера, который повернет ход событий.

Улицы, заваленные обломками разрушенных зданий, давно уже расчистили, и черный «Мерседес» быстро добрался до площади. Обогнув площадь перед Нордбанхофом¹, машина повернула в проулок между

---

¹ Нордбанхоф — Северный вокзал в Кёнигсберге.

канареечного цвета зданием криминальной полиции и угрюмой громадой судебных учреждений Восточной Пруссии. Через сотню метров Ганс, здоровенный дегтина — шофер, ефрейтор из личной охраны командующего округом, резко затормозил у здания Управления имперской безопасности.

— Поедем во двор, господин гауптман?

— Не стоит, Ганс, ждите меня здесь.

Фон Шлиден открыл дверцу, подхватил с сиденья сумку с пакетом и шагнул к подъезду. Навстречу ему шел длинный унтерштурмфюрер¹ в фуражке с высокой тульей.

— Гауптман фон Шлиден? — отрывисто спросил он. — Идемте за мной.

Они прошли подъезд с автоматчиками у входа, миновали темный вестибюль, поднялись на второй этаж и долго шли длинными коридорами, заполненными эсэсовскими офицерами в черных мундирах и сотрудниками гестапо в штатских костюмах.

У одной из дверей, обитой черной клеенкой, офицер, сопровождающий гауптмана, знаком предложил Вернеру фон Шлидену остановиться.

— Входите, гауптман, — сказал он.

За дверью была маленькая приемная с двумя узкими диванчиками и небольшой конторкой, за которой у пишущей машинки сидела молодая женщина в форме шарфюрера СС.

— Оберштурмбаннфюрер у себя? — обратился к ней унтерштурмфюрер.

Она молча повернула голову в сторону двери и пожала плечами.

---

¹ У н т е р ш т у р м ф ю р е р — эсэсовское звание, соответствующее армейскому «лейтенант».

Унтерштурмфюрер приоткрыл дверь, потом распахнул ее шире и пригласил фон Шлидена войти.

Тот прошел вперед, остановился, щелкнув каблучками и выбросил в приветственном жесте руку.

— Входите, входите, гауптман...

Оберштурмбаннфюрер Хорст поднялся из-за стола и направился к Вернеру.

— Вы привезли пакет от генерала Отто фон Ляша?

— Так точно, оберштурмбаннфюрер!

— Давайте сюда. И можете сесть.

Хозяин кабинета показал ему на кресло, потом вернулся к столу, сломал сургучные печати, вытащил несколько исписанных на машинке листков бумаги, быстро пробежал глазами первый из них, заглянул в последний, отложил все листки на край стола и повернулся к расположившемуся в кресле гауптману.

— Сидите, сидите, — сказал Вильгельм Хорст, увидев, что Вернер попытался вскочить. — Генерал инструктировал вас, фон Шлиден?

— В самых общих чертах, оберштурмбаннфюрер.

— В общих чертах? — Хорст усмехнулся. — Что ж, частности, гауптман, я возьму на себя.

Он уселся за стол, стал внимательно рассматривать листок из пакета. Потом отобрал некоторые из них и звонком вызвал молодую женщину из приемной.

— Зарегистрируйте, Элен, и под расписку передайте этому офицеру.

— Это будут экземпляры для вас, гауптман, — продолжал он. — После операции не забудьте сдать в канцелярию нашего отдела.

— Будет исполнено, оберштурмбаннфюрер! — ответил Вернер.

— А теперь слушайте меня внимательно, — сказал он, когда Элен вышла из кабинета. — Вы, гауптман, поступаете в мое распоряжение на четыре-пять дней, может быть, на неделю. С собой в дорогу ничего не брать. Все приготовлено. Выезжаем немедленно. Вы с машиной?

— Так точно, машина генерала Ляша. И шофер...

— Машину отпустите. Поедете вместе со мной. Подождите в приемной.

— Слушаюсь, оберштурмбаннфюрер.

Вернер поднялся:

— Разрешите идти?

Хорст вместе с ним подошел к двери.

— Гельмут, — сказал он унтерштурмфюреру, вскочившему с диванчика в приемной, — отпустите машину гауптмана. Он едет с нами. И сразу зайдите ко мне.

Вернер сидел в приемной, изредка поглядывая на стучавшую на машинке женщину за конторкой. Она работала очень быстро, не обращая никакого внимания на постороннего офицера. Появился унтерштурмфюрер и молча прошел в кабинет Хорста.

Вернер фон Шлиден разглядывал женщину в эсэсовской форме и старался угадать, что она за человек и какой ключ к ее сердцу подойдет безотказно, если возникнет в этом потребность, хотя гауптман считал, что женщин опасно вовлекать в такие дела, какими занимается он сам. Вернер отнюдь не умалял женских достоинств, но справедливо не доверял преданности, основанной только на чувстве. Это всегда осложняло работу и требовало излишних затрат духовной энергии. А на такую роскошь гауптман не имел права. «И все же надо выяснить, кто она, — подумал он. — И вообще поручение генерала подоспело вовремя...»

Из коридора в приемную вошел высокий, под стать своему шефу, унтерштурмфюрер, которого Хорст назвал Гельмутом.

Потом он еще два раза выходил и входил в кабинет, пока наконец не показался оттуда сам оберштурмбаннфюрер в длинном блестящем плаще. Вернер фон Шлиден встал.

— Едем, гауптман, — сказал Хорст.

Длинными коридорами они проходили быстро. В здании стало безлюдно, словно и не было час назад эсэсовцев в черных мундирах и сотрудников в штатском, которых видел фон Шлиден. Во дворе стоял «Мерседес», похожий на тот, где сидел рыжий солдат в черной форме.

Рядом стоял уже знакомый Вернеру офицер-эсэсовец.

— Гельмут фон Дитрих, — сказал он, протягивая руку Вернеру. Шлиден назвал себя, и унтерштурмфюрер сел рядом с шофером.

— Садитесь, гауптман, — жестом показал рядом с собой на сиденье Хорст.

«Мерседес» выехал на Гендельштрассе, повернул налево, и Вернер на повороте увидел, что за ними следом идет крытый грузовик.

3

Старый Кранц давно собирался сходить в Ландсберг, чтобы достать табак у двоюродного брата, державшего небольшую лавку на самом перекрестке дорог, идущих через городок. Днем Кранца совсем одолели хозяйственные заботы. Один мужчина на весь дом, от невесток проку мало, старуха почти не встает, а купить на бирже Арбайтсамт в Кёнигсберге русского

или польского батрака и потом содержать его старику Кранцу не по карману. Да и не по душе ему такие работники: мать у Кранца происходила из мазурских славян, поэтому нет-нет да и вспоминал Кранц, что немец он только наполовину. Особенно в последнее время.

Осеннее солнце низко висело над горизонтом, когда он собрался наконец в дорогу. От хутора до Ландсберга добрых восемь километров по шоссе, но, если идти баронским лесом, просекой, останется не больше шести.

— Пойду к Иоганну. Если задержусь, останусь ночевать. Не забудь ночью встать к стельной корове, Луиза, — сказал он старшей невестке, высокой худой женщине с сумрачным лицом и безразличными глазами. Такими стали они после того, как ее Курт, сын Кранца, пропал без вести под Сталинградом.

Кранц прошел те триста метров, что отделяли его дом от шоссе, пересек его и сразу свернул по боковой дороге к лесу, синевшему вдали. Когда он подходил к первым деревьям, словно выбежавшим навстречу, стал накрапывать дождь. Солнце село, лиловые тучи затягивали небо, и старик подумал, что не самый удачный вечер выбрал он для визита к брату. Потом вспомнил, как мучился весь день без табака, и прибавил шагу.

Он подумал еще, что ему совсем не хочется вымокнуть под дождем, и, вступив в лес, свернул с просеки к большой разлапистой ели. Там он стоял с полчаса. Дождь не прекращался. Кранц махнул рукой и вышел на дорогу. Он вспомнил о тропе вдоль озера: она сократила бы его путь в Ландсберг.

Быстро темнело.

Дождь лил не переставая.

Уже на тропе Кранц услышал шум моторов. Сначала он удивился: давно уже никто не пользовался просекой. Потом выругал себя за торопливость. Возможно, машины пошли на Ландсберг, может быть, кто-то и подвез бы его до городка.

Беда пришла неожиданно. Разбухшая от дождя тропа резко свернула вправо и круто пошла вниз. В этом месте и подвернулась нога Кранца, та самая, ее в сентябре четырнадцатого года полоснул штыком какой-то француз из армии генерала Жоффра во время сражения на Марне, когда Кранц и его камрады безуспешно пытались прорваться под Верденом к Парижу.

Старик сполз с тропы на увядшую траву, подобрался к высоченному вязу, сел под ним, вытянул онемевшую ногу и принялся растирать ее.

«Париж, — подумал он, — так и не довелось мне его повидать... Теперь мы снова его потеряли... Многое мы уже потеряли... Что ж, это справедливо. Не кусай хлеб, масло на который намазывали другие».

Совсем уже стемнело, дождь продолжался, и Кранц услышал вдруг человеческие голоса.

Раздался треск сломанной ветки, раздраженное чертыханье, и на тропе показались черные фигуры.

Кранц хотел позвать людей на помощь, но внутренний голос подсказал ему, что на этот раз благоразумнее будет не обнаруживать своего присутствия...

Фигуры приближались, и Кранц различил людей, согнувшихся под тяжестью ящиков и мешков. Впереди шли три человека без ноши. Последний из троих, поравнявшись с деревом Кранца, оглянулся, догнал впереди идущего человека, тронув его за рукав, что-то сказал ему, протягивая руку вперед. Старик показа-

лось, будто он знает, чей это голос. Он стал припоминать, а люди тем временем шли и шли мимо него...

Вот они спустились как раз там, где подвела Кранца нога, двигаясь по направлению к озеру, исчезли.

4

Размякший ком земли оторвался от стенки бункера и скатился вниз, рассыпавшись по ящикам.

— Все это надо тщательно и аккуратно накрыть, — сказал Вернер фон Шлиден Дитриху.

Здесь не успели сделать накат, как обычно, — ответил унтерштурмфюрер. — Поэтому закроем просто брезентом. Упаковка ящиков надежная, не подведет.

— Послушайте, целенляйтер¹, как вас там, — обратился он к местному партийному вождю.

— Ганс Хютте, унтерштурмфюрер.

Почему не подготовили настоящий бункер?

— Поздно получили приказ, унтерштурмфюрер...

— Черт побери, это не оправдание!

— Перестань, Гельмут, — сказал фон Шлиден. — Он действительно не виноват. И потом, ведь у нас есть военнопленные, они все сделают.

За эти дни они сблизились и даже подружились, и как-то во время одной из попоек, устроенной Хорстом в лесной резиденции Домбайса, перешли на «ты».

— Я промок, как...

Фон Дитрих не договорил. Тяжелый брезент, его тащили два военнопленных, ударил Гельмута по ногам и едва не свалил в яму.

Вернер схватил приятеля за полу плаща, и тот, с трудом выпрямившись, выхватил «парабеллум».

---

¹ Ц е л е н л я и т е р — партийный руководитель небольшого городка, местечка.

— Идиоты!

— Не надо...

Вернер фон Шлиден перехватил руку унтерштурм-фюрера.

— Не поднимай шума в лесу, Гельмут. Зачем привлекать внимание посторонних? — спокойно сказал он. — Это сделать никогда не поздно.

Военнопленные выпустили из рук брезент и стояли у края ямы, исподлобья посматривая на офицеров.

Дитрих махнул шарфюреру рукой.

— Работать, работать! — заорал шарфюрер, замахиваясь на военнопленных автоматом.

Военнопленные спрыгнули в бункер. Шарфюрер загнал туда еще двоих, и вчетвером бывшие солдаты принялись закрывать брезентом уложенные внизу мешки и ящики.

— Ну и жизнь, — проворчал Гельмут фон Дитрих. — На своей родине я должен бояться пристрелить паршивого русского, чтобы, видите ли, не привлечь внимания выстрелом...

— Что делать, дорогой Гельмут, — сказал Вернер. — В таких делах, как наше с тобой, лучше соблюсти осторожность. И не мне тебя учить этому.

— Ты прав, гауптман. Не хочешь ли выпить глоточек?

5

Дождь перестал, и старый Кранц подумал, что если до утра не зарядит он снова, то тропа может просохнуть. О ноге Кранц старался не думать, он растирал ее теперь машинально. В чаще крикнула сонная птица, на востоке ветер разогнал облака и обнаружил кусок звездного неба.

Старик пошарил в карманах, вытащил пустую трубку, сунул ее в рот и снова принялся растирать ногу.

Сейчас бы чашечку кофе покрепче, — вслух сказал он.

6

Давайте фонарь, сержант, — сказал лейтенант Громакин. — И плащ-палатку...

Сержант Изет Гаджиев протянул фонарь. Вдвоем с Кумичевым они накрыли плащ-палаткой лейтенанта, скорчившегося на земле с картой и фонарем. Пять человек стояли вокруг и молча смотрели на землю, где лежал сейчас их командир, изучающий карту под плащ-палаткой. Противный въедливый ветер шуршал кустами и раскачивал высокие кроны сосен. Кузьмичев локтем коснулся сержанта Гаджиева и хотел что-то сказать, но в это время лейтенант откинул маскирующее свет фонаря покрывало, рывком поднялся, взмахнул зажатой в руке картой и шепотом сказал:

— Ребята, можно крикнуть тихонько «ура»...

Догадываясь, в чем дело, разведчики трижды прошептали «ура». Лейтенант свернул карту, положил ее в планшет, кивком подозвал товарищей поближе, обнял их за плечи и с силой топнул сапогом по земле.

— Германия! Вы понимаете, это уже Германия! Мы с вами на территории Восточной Пруссии...

7

— Вас вызывает Берлин, обергруппенфюрер!¹

Ганс-Иоганн Беме, начальник Службы безопасности Восточной Пруссии, вздрогнул от неожиданности и

---

¹ Обергруппенфюрер — генерал-полковник.

недовольно посмотрел на стоящего напротив адъютанта. Беме потрянул головой, прогоняя мрачные мысли, которыми была занята его голова перед появлением этого вылизанного хлыста. Недавно обергруппенфюрер был вынужден ликвидировать своего прежнего адъютанта по делу 20 июля и к новому еще не привык.

Еще до неудачного покушения на Гитлера, совершенного одноруким полковником Штауффенбергом, хитроумный адмирал Канарис сломал шею, и рейхсфюрер Гиммлер окончательно подмял под себя осиротевший абвер. Он сумел убедить Гитлера в необходимости объединения гестапо, СД¹, абвера и криминальной полиции в одно целое. Рейхсфюрер, таким образом, сосредоточил в одних руках все тайные силы рейха, а его, Беме, назначил главой такого объединения по Восточной Пруссии, подкинув ему и местный абвер, которым руководит чудом уцелевший любимчик «черного адмирала» оберст фон Динклер. Этот Динклер в фаворе у Гиммлера, а к нему, Беме, относился прямо-таки по-свински. Сегодня утром была у них неприятная стычка, и сейчас, идя к телефону, обергруппенфюрер подумал: «Не продал ли фон Динклер своего бывшего хозяина Гиммлеру? Иначе чем объяснить столь благоклонное отношение шефа СС² к абверовцу...»

---

¹ SD — сокращенно от *нем.* Sicherheitsdienst (Служба безопасности). Полное название Sicherheitsdienst des Reichsführers SS — Служба безопасности рейхсфюрера СС. Была основана в 1931 году как спецслужба НСДАП и связанных с ней отрядов СС, а с 1939 года подчинялась Главному управлению имперской безопасности (РСХА).

² SS — сокращенно от *нем.* Schutzstaffeln — «отряды охраны» нацистской партии.